

СОДЕРЖАНИЕ

Багус Ф. Аргентина: свобода работает	9
Милей Х. Предисловие	14
1. ВВЕДЕНИЕ	25
2. И ОН ПОЯВИЛСЯ ИЗ НИОТКУДА	32
2.1. ХАВЬЕР ХЕРАРДО МИЛЕЙ	34
2.2. КАРЬЕРНЫЙ ВИРАЖ	44
2.3. ПРЕЗИДЕНТ	60
3. УНИКАЛЬНЫЕ СОВПАДЕНИЯ	67
3.1. АРГЕНТИНА НА ЗЕМЛЕ	69
3.2. Ошибки АРГЕНТИНСКОЙ ПОЛИТИКИ, ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА И ВИЛЬЯРРУЭЛЬ	83
3.3. Ковид-19, МОЛОДЕЖЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ	86
3.4. Одноразовый кандидат	91
4. ЛИБЕРТАРИАНСКИЙ МАРКЕТИНГ	95
5. РИТОРИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ	105
5.1. Повторяющиеся паттерны	108
5.2. КАСТА	112
6. ПАЛЕОЛИБЕРТАРИАНСТВО	125
6.1. Либертарианские течения	127
6.2. ПРАВО-ЛЕВЫЙ СПЕКТР	131

6.3. КЛАССИФИКАЦИЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА	139
6.4. ПРАВЫЕ И ЛЕВЫЕ ЛИБЕРТАРИАНЦЫ	143
6.5. ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ	150
6.6. КАК КЛАССИФИЦИРОВАТЬ МИЛЕЯ	154
7. КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА	165
7.1. ИСТОКИ КУЛЬТУРНОЙ ВОЙНЫ	167
7.2. НОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА	168
7.3. ЦЕЛЬ ЛЕВОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГЕГЕМОНИИ	174
7.4. ФРАНКФУРТСКАЯ ШКОЛА И 68-Й ГОД	178
7.5. ФОРУМ САН-ПАУЛУ	183
7.6. ГДЕ МЫ НАХОДИМСЯ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА	186
7.7. ЧТО ДЕЛАТЬ	192
7.8. НОВЫЕ СОЮЗЫ	199
8. АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА	207
8.1. ДАВОС, КАПИТАЛИЗМ И АДАМ СМИТ	209
8.2. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ	213
8.3. ПОНЯТИЕ СВОБОДЫ	218
8.4. НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ И АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	221
8.5. МОНОПОЛИЯ	226
8.6. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	230
8.7. ПРИБЫЛИ И УБЫТКИ	233

Содержание

8.8. Координация и принуждение	237
8.9. Экономический расчет при реальном социализме	241
8.10. Теория интервенционизма	246
8.11. Государство благосостояния	248
8.12. Изменение климата	251
8.13. Этическая основа капитализма	253
8.14. Экономический рост, нехватка ресурсов и мировое правительство	254
9. Аргентинское экономическое чудо	259
10. Чему можно научиться у Милея	271
11. Эпилог	279
Выражение благодарности	286
Комментарии	287
Библиография	299
<i>Чительманн Р. Хавьер Милей — книжный червь и гений самомаркетинга</i>	309
<i>Баженов Г. А. Осторожно, оптимизм! Хавьер Милей у руля Аргентины: итоги первого года президентства и предстоящие трудности</i>	316

Йоганну Фридриху

АРГЕНТИНА: СВОБОДА РАБОТАЕТ

Для меня большая честь, что моя книга «Эра Милея» теперь доступна в России.

Книга сосредоточена на общей картине. Как могло случиться, что завзятый анархокапиталист был избран президентом страны? Что за человек Милей? Как он победил на выборах? Каковы его идеи? Что такое классический либерализм, либертарианство, анархокапитализм и австрийская экономическая школа? И что такая культурная война? Почему мы должны бороться с ней и как ее выиграть?

Поэтому в этом предисловии я хотел бы вкратце рассказать о результатах его более чем годичного пребывания у власти.

Когда 10 декабря 2023 года Милей вступил в должность президента, Аргентина находилась буквально на краю пропасти. В конце срока правления его предшественника Альберто Фернандеса темпы инфляции быстро росли. В декабре 2023 года инфляция цен на потребительские товары подскочила до 25,5 процента в месяц. В том же месяце цены на товары производственного назначения выросли на 54 процента. Это 17 000 процентов в год. Кроме того, государственный долг Аргентины составлял около 150 процентов валового внутреннего продукта. Измученная страна стояла на грани десятого национального банкротства в своей истории. Консолидированный дефицит государственного бюджета составлял внушительные 15 процентов валового внутреннего продукта. 5 процентов из

них приходилось на Минфин и 10 процентов — на центральный банк, который брал займы у банков для изъятия и стерилизации песо. Этот гигантский дефицит в 15 процентов ВВП финансировался за счет выпуска новых песо.

Милей предпринял попытку стабилизировать макроэкономику страны и предотвратить катастрофу гиперинфляции. Еще во время предвыборной кампании он говорил, что для достижения этой цели придется резко сократить государственные расходы. Это будет больно, но в этот раз страдания будут не напрасны. Аргентина, которую он хочет сделать самой свободной страной в мире, снова станет сверхдержавой.

Милей ликвидировал дефицит бюджета за месяц, а дефицит центрального банка — к июню 2024 года. В 2024 году, впервые за 123 года, Аргентина достигла профицита бюджета, не допустив дефолта по государственному долгу. Для ликвидации дефицита Милей с помощью бензопилы жестко сократил государственные расходы, особенно за счет политического класса. Он остановил все проекты общественных работ, сократил финансирование и субсидии СМИ, урезал провинциальные трансферты, сократил число государственных служащих более чем на 40 000 человек и закрыл 200 государственных учреждений. Кроме того, он урезал зарплаты госслужащих в реальном выражении, а на первых порах и пенсии. Группам, зависящим от государственных денег, и прежде всего политическому классу, пришлось смириться с серьезными потерями. В целом Милей сократил государственные расходы на невероятные 26 процентов в реальном выражении.

Сокращение государства сопровождалось 1700 структурными реформами и созданием отдельного министерства дерегулирования, которое служит образцом для американского Министерства эффективности правительства (DOGE). На данный момент ликвидировано более 900 нормативных актов, включая регулирование арендной платы за жилые помещения. Также было освобождено воздушное движение. В результате страна поднялась на 21-е место в индексе экономической свободы.

И каков же результат этого, по историческим меркам уникального, курса на жесткую бюджетную экономию и дерегулирование? Вопреки мрачным прогнозам кейнсианских экономистов, предсказывавших экономическую депрессию и массовую безработицу из-за сокращения государственных расходов и совокупного спроса, рецессия, начавшаяся еще до прихода Милея к власти, через несколько месяцев завершилась. Траектория восстановления экономики имела V-образную форму. После экономического спада в начале 2024 года с апреля 2024 года экономика начала расти. Растет промышленное производство, сельскохозяйственное производство, производство электроэнергии. Наблюдается положительное сальдо торгового баланса. Заработная плата и пенсии растут в реальном выражении. Занятость достигла нового рекордного уровня. В 2024 году общий фонд заработной платы вырос на 8,8 процента. Выросла заработная плата всех доходных групп, за исключением государственных служащих, зарплата которых сократилась на 11 процентов. В среднем реальные зарплаты выросли на 14 процентов, а реальные пенсии — на 13 процентов. С января 2024 года по январь 2025 года

экономическая активность выросла на 6,5 процента. В первом квартале 2025 года темпы экономического роста составили 6,1 процента, а во втором квартале ожидается даже 8,1 процента. Вскоре Международному валютному фонду, вероятно, также придется пересмотреть свой прогноз 5-процентного роста за 2025 год в сторону повышения.

Что происходит с бедностью? В результате снижения инфляции и сокращения активности государства уровень бедности снизился с 52,9 процента в первой половине 2024 года до 38,1 процента во второй половине года. И этот показатель продолжает снижаться. В начале 2025 года он составит около 33 процентов. Каждый день 25 000 аргентинцев выбираются из бедности. Благодаря либертарианским рецептам. Формула «меньше государства, больше свободы» работает. Аргентина — это огромная история успеха.

Конечно, демонтаж государственной экономики происходит не без трений. Люди, зависящие от государства, — чистые получатели налогов — вынуждены приспосабливаться к новым условиям и потенциально недовольны. Наследие восьми десятилетий перонизма невозможно ликвидировать в одночасье. Требуется терпение.

13 апреля 2025 года, после получения кредита от Международного валютного фонда, который укрепил долларовые резервы центрального банка, контроль над движением капитала был отменен, а обменный курс отпущен в свободное плавание. Это чрезвычайно важный шаг. Ведь благодаря ему страна стала более привлекательной для прямых иностранных инвестиций. И если в октябре 2025 года партия Милея получит большинство голосов на парламентских

Аргентина: свобода работает

выборах, он сможет еще больше приблизиться к своей цели — сделать Аргентину самой свободной страной в мире.

Я надеюсь, что российская читательская аудитория получит удовольствие и вдохновится историей успеха Милея и его борьбой за свободу.

Viva la libertad, carajo![¹]

*Филипп Багус
16 апреля 2025 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я пишу это предисловие к книге «Эра Милея — новый путь Аргентины» с огромным удовольствием. Мы познакомились с Филиппом Багусом в феврале 2021 года, когда он пригласил меня прочитать лекцию через Zoom на его семинаре по истории экономической мысли. Этот семинар является частью магистерской программы по экономической теории австрийской школы^[2] в Университете короля Хуана Карлоса под руководством профессора Хесуса Уэрта де Сото. Я как раз объяснял, почему я занялся политикой, как вдруг заметил на экране некоторое оживление участников семинара. Я был нескованно удивлен, увидев, что к встрече присоединился профессор Уэрта де Сото — с которым в тот момент я еще не был знаком лично, — чтобы поддержать меня в моей борьбе против социализма в Аргентине, от которого страна страдает более 100 лет. Этот жест доставил мне бесконечную радость, ведь я столь многим обязан этому титану австрийской школы.

Чуть позже в роли редактора-составителя (на пару с Дэвидом Хауденом) *liber amicorum* [книги друзей] в честь нашего любимого профессора Уэрта де Сото Филипп пригласил меня написать главу для этого издательского проекта. Я написал главу под названием «Капитализм, социализм и неоклассическая ловушка». В ней я указываю на недостатки неоклассической модели. Всякий раз, когда теоретическое или практическое наблюдение не вписывается в неоклассическую модель, оно классифицируется как «провал рынка». Эта концепция, не заслуживающая

ничего, кроме презрения, ведет к вмешательству государства в экономику, торя дорогу к социализму. Таким образом, функционально неоклассицизм работает на социализм. С тех пор мы с Филиппом Багусом поддерживаем связь. И когда он спросил меня в Риме в феврале этого года, что я думаю об идее написать для немецкого рынка книгу о феномене Милея, я сразу же загорелся энтузиазмом.

Ведь именно сейчас самое подходящее время и прекрасная возможность распространять правильные идеи. Правильные идеи — это идеи свободы и австрийской экономической школы, как они преподаются в магистерской программе, упомянутой выше. Существование такой магистратуры нельзя считать само собой разумеющимся. В обычной университетской жизни Аргентины австрийская экономическая школа вряд ли вообще упоминается.

Я не всегда был либертарианцем и «австрийцем» и хотел бы вкратце объяснить, как я пришел к либертарианству и австрийской школе. Это заняло определенное время. Но меня не мучает совесть по этому поводу. Даже Хайек изначально был социалистом и пришел к либертарианству только после прочтения книги Людвига фон Мизеса «Социализм»^[3]. Потому что, как справедливо сказал Мизес, экономические знания ведут к либертарианству^[4]. По словам Хайека, если бы социалисты по-настоящему знали экономическую теорию, они не были бы социалистами. Я стал либертарианцем, только когда смог получить полное представление об экономической теории.

В академических кругах идеям свободы приходится нелегко. Если спросить любого экономиста в государственном или частном университете Аргентины,

кто такой Людвиг фон Мизес, он ответит, что, вероятнее всего, Мизес — центрфорвард сборной Голландии по футболу.

Экономисты моего поколения воспитывались в среде, враждебной свободе. На мое образование в основном повлияли кейнсианцы и так называемые посткейнсианцы. Последняя школа — это ответвление кейнсианства с квазимарксистским привкусом.

В процессе обучения я заразился множеством дурных идей: например, о необходимости государственного вмешательства и регулирования, о том, что предприниматели — мошенники, и о том, что инфляция многопричинна, а не возникает из-за увеличения денежной массы. Я получил образование в такой интеллектуальной среде, где экономисты — классические либералы даже не упоминались.

Проблематичность этих идей я осознал, когда в 2014 году меня впервые пригласили выступить на Всемирном экономическом форуме (ВЭФ). Я должен был говорить о демографии и экономическом росте. Для этого я изучил исследование Энгуса Мэддисона, который посмотрел на экономический рост в тысячелетней перспективе и оценил ВВП на душу населения с нулевого года христианской эры до 2000 года^[5].

Визуализация так называемой «хоккейной клюшки» экономического роста^[6] раскрыла мне глаза. Оказывается, ВВП на душу населения оставался практически неизменным с нулевого по 1800 год. Он немного подрос лишь один раз, в XVI веке, вскоре после открытия Америки.

На протяжении столетий ВВП на душу населения рос очень медленно. Темпы роста составляли 0,02 процента. В таких условиях для удвоения ВВП

на душу населения требуется 3500 лет. В XIX веке, после Промышленной революции, ситуация радикально изменилась. Внезапно темпы экономического роста выросли в 33 раза — до 0,66 процента — при одновременном быстром росте численности населения. Рост численности населения во многом объясняется улучшением санитарных условий, здравоохранения и питания. В XX веке экономический рост продолжал ускоряться. В первой половине XX века его темпы выросли до 1,1 процента. А во второй половине достигли уже 2,1 процента.

Одним словом, за последние 200 лет во временном ряду экономического роста произошло гораздо больше изменений, чем за первые 1800 лет, когда экономический рост за весь период составил 40%. Во втором периоде ВВП на душу населения увеличился в 9 раз. За это время население увеличилось в 8 раз. Таким образом, за последние 200 лет мировой ВВП увеличился в 72 раза.

Для неоклассической экономической теории история этого прогресса является серьезной проблемой, потому что, когда вы работаете с неоклассическими инструментами, вы предполагаете постоянную отдачу от масштаба или убывающую предельную отдачу. То есть, если вы добавляете единицу какого-либо фактора, не происходит пропорционального роста производства. И это проблема: население увеличилось в 8 раз, а производство на душу населения — в 9 раз. С такой точки зрения эти цифры абсурдны.

Согласно неоклассической теории, концентрация рынка обеспечивает возрастающую отдачу. Крайним случаем является монополия. Но с точки зрения эффективности по Парето концентрация рынка

означает нечто плохое, в том числе и для благосостояния широких слоев населения. Возникает вопрос: как то, что позволило сократить на нашей планете долю людей, живущих в крайней бедности, с 95 до 10 процентов, может быть чем-то плохим с точки зрения экономической теории?

Этот вопрос стал для меня большим вызовом. Я искал ответы. К счастью, со мной работал мой бывший студент, большой спец по математической экономике. Он читал авторов австрийской школы. Он дал мне небольшую монографию Мюррея Ротбарда под названием «Монополия и конкуренция». 140 страниц. Проглотив ее за три часа, я признался себе, что все, чему я учил о рыночных структурах, было глубоко ошибочно. В течение 25 лет я неправильно преподавал рыночные структуры.

Брошюра Ротбарда произвела на меня столь сильное впечатление, что мне захотелось заполучить как можно больше книг этих авторов. Я спросил бывшего студента, где можно купить такие книги. Он порекомендовал книжный магазин, где продавались книги издательства Unión Editorial. Я поехал туда и в тот же день приобрел около 20 книг. На большее денег у меня не было. Среди купленных книг были «Человек, экономика и государство» Ротбарда, ее продолжение «Власть и рынок»^[7], в котором Ротбард обосновывает анархокапитализм. Я спросил владельца магазина, будет ли он работать завтра и получил утвердительный ответ. Я подсчитал, сколько мне нужно на еду, сколько на такси и сколько на бензин, чтобы ездить на работу. Все остальные деньги я потратил на книги. За эти два дня я купил, наверное, около 50 книг. Так я начал читать авторов австрийской школы.

Это был замечательный опыт. Я открыл для себя новый мир.

Среди приобретенных книг была «Человеческая деятельность» Людвига фон Мизеса^[8]. Помню, как я сидел над экземпляром этой книги в мягкой обложке, пока не прочитал ее от первой до последней страницы. Я полностью отключился от мира на два-три дня, пока не закончил чтение. Вставал, только чтобы поесть, сходить в туалет и выгулять своего пса Конана. Я был ослеплен блеском этой книги, которая в конце была вся испещрена моими заметками. Поэтому я купил еще один экземпляр, чтобы иметь чистое, новое издание. Этот экземпляр я оставил в неприкосновенности, на крайний случай, и поставил на полку, завернув в целлофан. Но, конечно, мне нужна была еще одна книга, чтобы иметь возможность работать с ней в офисе. Поэтому я купил еще один экземпляр. Когда мне было скучно в офисе, я наугад открывал любую страницу книги Мизеса «Человеческая деятельность», переходил к началу главы и прочитывал ее целиком, вновь подчеркивая и комментируя важные фрагменты. В какой-то момент и в этом экземпляре не осталось ни одной неисчерченной страницы. Так я прочитал «Человеческую деятельность» еще раз.

Поэтому Мизес оказал на меня огромное влияние. Я также прочитал его шедевры «Социализм» и «Теория денег и кредита»^[9]. Есть еще одна замечательная книга Мизеса, которая помогает понять многие проблемы, с которыми мы, либертарианцы, сталкиваемся: «Антиkapиталистическая ментальность»^[10]. В ней объясняется, почему многие люди ненавидят капитализм со свободным рынком. Я дополнил свое чтение

Мизеса лекциями Уэрта де Сото на YouTube и начал принимать участие в либертарианских собраниях.

Поначалу мне было трудно читать Хайека, хотя такие трактаты, как «Цены и производство», давались мне легче. С самого начала мне понравилась «Дорога к рабству» — работа, которую я часто цитирую, а также «Пагубная самонадеянность» и впечатляющее эссе «Атавизм социальной справедливости», ознакомление с которым принесло бы пользу многим людям^[11].

Читая Ротбарда, я неизбежно стал анархокапиталистом. Чтение Ротбарда, Хесуса Уэрта де Сото, Уолтера Блока и Ганса-Германа Хоппе стало для меня улицей с односторонним движением: я уже не мог вернуться назад.

Тем временем аргентинская инфляция продолжала расти. Я начал участвовать в телевизионных программах и отстаивать идеи свободы. Поначалу все было как в фильме «Гладиатор». Все были против меня. Я дебатировал с 15 остальными участниками, которые защищали государство и социализм. Киршнеристы совершенно безжалостны, когда вы с ними дискутируете. Как это обычно бывает со многими левыми, они натравливали на меня четверых или пятерых. И когда я пытался говорить и спорить чисто рационально, они просто перебивали меня. Поэтому я был вынужден повышать голос, чтобы хотя бы высказать аргумент. Что, в свою очередь, навлекло на меня обвинение в переходе на крик во время теледебатов.

Именно благодаря этим титаническим битвам на телевидении я набрал популярность. А когда вдруг разразилась пандемия, в обществе словно что-то «щелкнуло». Когда мы оказались заперты в изоляции, произошла переоценка идей свободы. Многие

из моих последователей — молодые люди. Молодежь меньше подвержена промыванию мозгов со стороны системы государственного образования. Неважно, какие это учебные заведения — государственные или частные, потому что в обоих случаях содержание задается государством. Государство устанавливает границы. Доступ к определенной литературе заблокирован. Ни одному политику не нравится, когда граждане читают Ротбарда. Потому что представьте, если граждане зададутся вопросом об источнике доходов политиков. А поскольку у политиков есть власть, они используют монополию на применение насилия, чтобы граждане не имели доступа к этим идеям.

Молодые люди также являются бунтарями против статус-кво. В Аргентине статус-кво был социалистическим. Естественная склонность молодых людей к бунтарству привела их к открытию либертарианства. И по какой-то причине молодым людям понравилось то, что я делал. Во время пандемии, когда они сидели взаперти со своими родителями или бабушками и дедушками, они начали говорить с ними «о Милее».

Я же продолжал неустанно бороться за лучшие идеи. Однако, когда мне открыто пригрозили цензурой, культурная война, которую я вел на телевидении, радио и в лекциях, оказалась под угрозой. Если бы мы меньше показывали по телевидению, то мы не смогли бы продавать билеты на лекции, которые в то время были для нас основным источником дохода. Наши доходы оказались под угрозой. Поэтому решение заняться политикой было не таким уж романтичным. Моя сестра Карина, El Jefe [босс], и я поняли, что единственный способ изменить ситуацию — это заняться политикой и бороться с государством изнутри.

Если вы смотрите футбольный матч в Аргентине, это очень приятно. Вы видите счастливых болельщиков, множество цветов и флагов, слышите песнопения. Настоящее зрелище. Но сколько бы ни кричали, ни пели и ни украшали себя люди на трибунах, мяч не движется сам по себе. Кто-то должен выйти на поле и забить мяч. Если нас нет на поле, то другая команда приходит и забивает свои голы без сопротивления.

Культурная война, обсуждение идей, очень важны. То, что происходит в академических кругах, очень важно. Но без политической борьбы это ни к чему не приведет. Вернемся к футбольной метафоре: другая команда выходит на поле, забивает один гол, другой, третий... Их не волнует, что происходит на трибунах. Поэтому единственный способ остановить продвижение социализма, этатизма, колLECTивизма, конструктивизма — это выступить против них лицом к лицу, начав бороться не только в области культуры, но и на политической арене.

Существуют также синергетические эффекты. Несомненно, важным ориентиром являются академические знания, которые я приобрел со временем. Фундаментом служит теория австрийской экономической школы. Она, подобно компасу, направляет меня в каждом принятом решении.

В начале моего политического приключения наши оппоненты радовались крайне ограниченным масштабам моей поддержки. Мои первые успехи имели районный масштаб. Но не все нас недооценивали. В то время доктор Патриция Буллрич, с которой я позже соперничал на президентских выборах и которая сегодня, будучи моим министром внутренней безопасности, ставит преступников на колени,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru